

ВЛАДИМИР КВИЛОРМЯ

22 ШАГА ПРОТИВ ВРЕМЕНИ

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПОХОЖЕНИЯ
ШУРКИ И ЛЕРКИ

ИСТОРИЯ ОДИНАДЦАТАЯ

Невероятные похождения Шурки и Лерки

Валерий Квилория

22 шага против времени

«ИП Квилория В.Т.»

2011

УДК 821.161.1(476)-93
ББК 84(4Бей=Рус)-44

Квилория В. Т.

22 шага против времени / В. Т. Квилория — «ИП Квилория В.Т.», 2011 — (Невероятные похождения Шурки и Лерки)

Удирая от инопланетян, Шурка с Лерой ушли на 220 лет в прошлое. Оглядевшись, друзья поняли, что попали во времена правления Екатерины Второй. На месте их родного городка оказался уездный город Российской Империи. Мальчишкам пришлось назваться дворянами: Шурке – князем Захарьевским, а Лерке – графом Леркендорфом. Новоявленные паны поясняли своё незнание местных законов и обычаев тем, что прибыли из Лондона. Вначале друзья гостили в имении помещика Переверзева. День гостили, два, а потом жена его Фёкла Фенециановна вдруг взяла и влюбилась в князя Александра. Между тем самому Шурке приглянулась крепостная девушка Варя. И так приглянулась, что он сделал из неё княжну Залесскую и спас от верной гибели. А вот Лерка едва всё не испортил, когда неожиданно обернулся помещиком, да таким кровожадным, что... Но об этом лучше узнать из самой повести. Там много чего ещё есть: и дуэль на пистолетах, и бал в Дворянском собрании, и даже сражение с наполеоновскими захватчиками.

УДК 821.161.1(476)-93
ББК 84(4Бей=Рус)-44

© Квилория В. Т., 2011
© ИП Квилория В.Т., 2011

Содержание

Такси от дяди Вани	7
Варя	9
Помещица Переверзева	15
Отставной подпоручик	18
Особняк	20
Ветром надуло	21
Вторая ошибка	22
Обед	24
По маленькой	28
Капитан-исправник	30
Соляная статуя	32
Водяные шары	33
Лозович-старший	34
Новый помещик	38
В Леру вселился бес	39
Двухчасовой прыжок	40
Опять капитан-исправник	42
О геройстве	43
Прощаясь с жизнью	46
Под дулом пистолета	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Квилория, В. Т.
22 шага против времени:
Невероятные похождения Шурки
и Лерки. История одиннадцатая

© Квилория В. Т., 2011

© Оформление: А. Н. Вараксин, 2011

* * *

Люди во все времена были одинаковыми, только к жизни относились иначе.

Квилория Валерий– лауреат литературного конкурса «Русская премия» 2006 года (Москва), лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого 2006 года (Москва), дипломант Второго Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого 2007 года (Москва)

Такси от дяди Вани

В тот день Шурка с Лерой собирались пойти после уроков на Панский пруд – посмотреть, вернулись ли из тёплых краёв лебеди. Но едва вышли на школьное крыльцо, как к ним прямо-таки подкатился какой-то весьма упитанный шарообразный и совершенно незнакомый им гражданин.

– Здравствуйте, молодые люди, – растянул он в любезной улыбке свой крошечный рот и назвал их по именам, но как-то странно на иноземный манер.

– Здравствуйте, Лерий, – склонил он голову. – Здравствуйте, Александэр.

На последнем слоге он сделал ударение, особо выделив «эр».

– Здравствуйте, – растерялись друзья. – А в чём дело?

– Прошу вас, – широким жестом указал шарообразный за ворота школы, где стоял, блистая жёлтым лаком, «мерседес» последней модели. – Вас всенепременно желает видеть старший лейтенант милиции участковый Безручко.

– Это что, дядя Ваня за нами мэрс прислал? – удивился Лера.

– А то, – заговорщицки подмигнул толстяк.

В это время из машины проворно выскочил водитель и в почтительном поклоне распахнул заднюю дверь. На водителе был новенький форменный костюм с нашивками какой-то иностранный фирмы. Сам же он оказался приземистым и почти квадратным. Шурка глянул водителю в лицо и вздрогнул.

– Лерчик, – шепнул он и схватил друга за руку. – Считай шаги, я преобразовывать буду.

Лера присмотрелся к улыбающейся физиономии квадратного таксиста и всё понял.

– Раз, два, три, – принялся считать он вслух.

– Хе – хе, – услышав это, осклабился¹ шарообразный. – Считалочки считаете.

– Двадцать, двадцать один, – в отчаянье сказал Лера, когда до открытой дверцы остался буквально один шаг. – Двадцать два...

И тут всё исчезло. Вернее, исчезло такси с двумя подозрительными личностями. А вокруг вместо школьного двора и улицы раскинулась утопающая в зелени яблоневого сада совершенно незнакомая местность.

– Неужели опять Фу-Фью? – первым делом спросил Лера.

– Стопроцентно, – кивнул Шурка. – А с ним его папаша Всюси. Я их мысли успел прочесть. Хотели усадить нас в свою космолётную капсулу и в лабораторию отправить.

– Слушай, – вспомнил тут Лера, – а куда это мы попали?

– В прошлое, – спокойно пояснил Шурка, – каждый шаг – десять лет. Ты сколько успел насчитать?

– Двадцать два.

– Ну, вот, – как ни в чём не бывало улыбнулся Шурка, – значит, мы ушли на 220 лет назад.

– Это что же, – прикинул Лера, – сейчас 1786 год?

– Выходит, так.

– Ёлки-палки! А государство сейчас какое – Великое княжество Литовское или Речь Посполитая?

Шурка пристально посмотрел в одну сторону, затем в другую.

– Нет, – вскоре доложил он, – эти земли уже принадлежат Российской Империи.

Лера с опаской огляделся по сторонам.

– Значит, тут крепостное право полным ходом действует?

¹ Осклабиться – широко улыбнуться.

– А чего тебе бояться? – удивился Шурка. – Ты, главное, не расслабляйся, чтобы у тебя самопроизвольные преобразования не происходили, и всё будет в порядке.

– А кровавый царский режим? – напомнил Лера.

– Ерунда, – отмахнулся Шурка. – Сейчас Россией правит самая продвинутая царица – Екатерина Вторая.

Откуда-то издалека донёсся хор женских голосов.

– На вайну ты паедзеш, – печально пел невидимый хор.

– Ах! Адтуль не прыедзеш. Панясеш ты галоуку ды у чужую старонку занясеш свае плечы пад турэцкия мечы...

Друзья переглянулись.

– Пойдём, разузнаем, что тут к чему, – предложил Шурка.

– Сейчас домой всё равно возвращаться нельзя. Переждать надо, пока инопланетяне к себе на Ту-Тью² не уберутся.

² Ту-Тью – название инопланетного государства, из которого прибыли Фу-Фью с папашей Всюси (подробней смотрите в книге «Бунт в тарелке»).

Варя

И они пошли по саду, обходя время от времени заросли смородины, крыжовника и малины. Когда до поющих осталось совсем немного, Шурка остановился.

– Ты чего? – наткнулся на него шедший сзади Лера.

– Тс-с, – приложил тот палец к губам и показал в сторону.

– Слышишь?

Лера прислушался и различил чей-то тихий и очень-очень горький плач.

– Девчонка плачет, – заключил Шурка и потянул друга в кусты.

За кустами они нашли зарёванную и чрезвычайно красивую девчушку лет 14. Одета она была в сарафан из домотканого белёного холста. Сидела над своим лукошком, полным чёрной смородины, и лила слёзы в три ручья.

– Привет, – улыбнулся Шурка, которому так понравилась незнакомка, что он взгляда от неё не мог отвести. – Тебя как зовут?

Девчушка удивлённо вскинула голову.

– День добрый, – поднялась она, утирая зарёванные глаза.

– Варей меня кличут.

– А чего плачешь?

Девушка потупила взгляд.

– Новый барин намерен распродать всё наше семейство за долги, – пояснила едва слышно.

– Как продать? Людей? За деньги?

Варя печально покачала головой.

– Большие долги? – поинтересовался Шурка.

Девчушка опять кивнула.

– В карты проигрался? – предположил Лера.

– Да что вы, – отмахнулась Варя. – Барин наш военный, из отставных. Занял в банке преогромную сумму и выкупил у старой графини имение со всеми деревнями. Теперь вот семейство наше распродаст и проценты уплатит.

Вспомнив о семье, Варя всхлипнула.

– Не плачь, – взялся успокаивать её Шурка. – Мы тебе поможем.

– Да чем же вы мне поможете? – ещё горше заплакала девушка. – Сами, почитай, из простолудинов.

Услышав это, Шурка гордо задрал подбородок.

– Честь имею представиться, – заявил он торжественно, – князь Захарьевский! А это..., – обернулся он к другу.

Лера не заставил себя ждать и, выступив вперёд, склонил голову, как истинный аристократ: – Граф Леркендорф!

– Какие же вы бары? – с упреком оглядела их Варя. – У тебя, сударь, – показала она на Шурку, – кафтан на локтях вот-вот протрётся. А у тебя, – показала на Лерины кроссовки, – того и гляди, лапти развалятся.

– Всё равно, – настаивал Шурка, – мы тебе поможем.

Варя, которой неизвестный мальчик в странном одеянии поначалу тоже понравился, тут вовсе расстроилась.

– Смотри, какой ты обманщик, – сказала она сердито, – не успел познакомиться, а уж играешь со мною. Поди, сударь, прочь от меня!

– Не веришь? – глядя, как она мило сердится, заулыбался Шурка.

– Смотри, – шепнул он заговорщицки и обернулся вокруг своей оси.

В крайнем изумлении Варя схватилась ладонями за щеки.

– Батюшки светы! – только и сказала она.

Перед ней стоял всё тот же незнакомый мальчик, но какой! На нём сидел, словно влитый, мягкий кафтан³ из красного бархата, затянутый в талии шарфом. Такого же кроя панталоны⁴ были подвязаны чуть ниже колен золотистыми завязками, ниже шли чулки в чёрно-белую полоску. На ногах обновлённого Шурки блистали широкими пряжками туфли, а под мышкой был зажат длинный хлыст с тонкой кисточкой на конце. На голове Захарьева красовался белый напудренный парик. Треугольную шляпу он держал в картинно отставленной руке.

– Шурка у нас настоящий волшебник, – пояснил Лера.

³ Кафтан – старинная мужская долгополая верхняя одежда.

⁴ Панталоны – короткие узкие штаны.

Тот между тем прищурился, окидывая Леру взглядом от кроссовок до стоящих дыбом вихров.

– Ну-ка, крутанись, – попросил.

Стопочкин обернулся через левое плечо и превратился в такого же лощёного господчика. Только одет он был в фиолетовый с отливом фрак и цилиндр. Ноги его облегали высоченные мягкие сапоги, которые охватывали и колени, и половину бёдер.

Варя в испуге попятилась, но тут Шурка дотронулся хлыстом до её домотканого сарафана, и он вдруг стал изящным шёлковым платьем.

– Боже мой! – всплеснула руками Варя. – Вы и вправду чаровник!

– А теперь, сударыня, – подставил ей согнутую в локте руку Шурка, – проводите нас к вашему барину, а заодно расскажите нам с графом Леркендорфом, что тут у вас происходит.

Варя нерешительно взяла Шурку под руку, а потом и Леру, который уже подхватил лукошко с ягодой. Неспешным шагом троица двинулись по саду. Но не туда, где пел печальный хор, а обратно, откуда мальчишки только-только пришли.

– О чём вам поведать? – говорила дорогой Варя. – Живём мы в сельце...

– В деревне, значит, – уточнил Лера.

– Нет, в сельце, – упрямо мотнула головой девушка. – Церкви у нас своей нет, вот и сельцо. А к Богу на поклон да детей малых крестить ходим в господскую церковь, что в усадьбе. Так исстари повелось. Ихний батюшка позволяет.

– Сельцо ваше, наверное, маленькое? – догадался Шурка.

– Невеликое, – подтвердила Варя. – Семь дворов, покудова семью нашу не распродали. Вспомнив о своём горе, девушка вновь всплакнула.

– Да брось ты, – подбодрил её Шурка. – Неужели нельзя взять и уйти от вашего барина?

– А чего ж нельзя, – утёрла слезу Варя, – можно. Но ежели поймают, то непременно выпорют нещадно и на стул посадят.

– На какой стул? – не понял Шурка.

– Обычный стул. Да токмо⁵ на шею виновному надевают широченный ошейник из кованого железа. Запирают на замок, а ключ у самого барина хранится. К ошейнику железная цепь приделана. Длиной не более двух аршин.

– Сколько это по-нашему? – посмотрел на друга Лера.

– Почти полтора метра, – подсказал всезнающий Шурка. – В одном аршине семьдесят один сантиметр и двенадцать миллиметров.

– Сразу видно – чужеземцы, – усмехнулась Варя. – Аршина не ведаете.

– И ничего не чужеземцы, – обиделся Лера. – Просто из другого времени.

– Из откуда? – не поняла девушка.

– Да кого ты слушаешь, – отвлёк её Шурка. – Рассказывай дальше – очень интересно.

Девчушка наморщила лоб, припоминая, на чём прервалась.

– Ага, – вспомнила она, – с другого конца цепь держит здоровущий деревянный обрубок. Такой с места не сдвинешь. А вверху ошейника спицы железные торчат, чтобы нельзя было головы наклонить. Вот так и сиди день-деньской неподвижно. Нынешней⁶ весной у нас дворовая девка Серафима сбежала. Поймана была и посажена на стул. Цельный месяц маялась. Токмо на ночь подкладывали ей под задние спицы ошейника подушку, чтоб она, сердешная, сидя могла заснуть.

– Ничего себе у вас помещик, – возмутился Шурка, – изверг какой-то!

– Да наш-то ещё ничего, – не согласилась крепостная девушка. – Есть и похуже.

– А давай мы тебя вроде как украдём, – предложил Лера. – Вдруг что, ты ни при чём – это мы виноваты.

– Красть – великий грех, – совершенно серьёзно посмотрела на него Варя. – Красть нельзя, ни-ни! Это наипервейшее зло.

– Тогда тебя надо просто выкупить.

– И это никак не годится. Не могу я свою семью бросить.

– Так мы и тебя, и твою семью выкупим.

– Нас-то, вместе с батюшкой и матушкой, четырнадцать душ. Где ж вы такие деньжищи отыщете, хоть и чародеи? – покачала головой девушка. – Это никак не меньше тыщи рублёв.

– А, что на тысячу рублей можно купить? – заинтересовался Лера.

– Положим, оброк выплатить на 200 лет вперёд. Или купить 333 четверти ржаной муки. Или 500 четвертей овса. Или 250 фунтов чая. Или более 18 тысяч аршин холста.

– Про аршин я уже знаю, – снова посмотрел на Шурку Лера, – а четверть и фунт что обозначают?

– Четверть – это 210 килограмм, – пояснил Захарьев. – А фунт без каких-то нескольких миллиграмм равен 410 граммам.

– Что же это получается, – посмотрел на друга Лера. – 210 килограмм ржаной муки можно купить за 3 рубля, а 70 с хвостиком сантиметров холста всего за 5 с половиной копеек?

– Верно.

– Тогда 410 грамм чая стоят 4 рубля, а оброк на год – 5 рублей?

– Ага, – кивнула Варя.

– Ты в какой школе учишься? – обернулся к ней Лера.

– Ни в какой, – пожалла плечами девушка. – У нас и школы-то нету. Но сказывают, что де указ вышел и что совсем скоро в уезде малое училище откроют.

– Кто же тебя тогда так здорово считать научил?

– Батюшка мой – Никифор Варсонафьевич.

– А он откуда знает?

⁵ Токмо (устаревшее) – только.

⁶ Нынешней – сегодняшней, от ныне – сегодня.

– По младости лет взяли их в услужение к лекарю старой графини. Весьма добрый господин были. Они моего батюшку и счёту, и письму выучили, и всяким докторским премудростям. И матушка моя Прасковья Митрофановна врачует, но она от матери своей, от бабки Меланьи, сию премудрость ведаёт. Всякую траву знает – для чего и от какой хвори спасает.

Услышав это, Шурка расплылся в улыбке.

– У меня мама тоже травница, – посмотрел он радостно на Варю, которая после такого сообщения стала для него вообще как родная.

К тому времени сад закончился, и они вышли к воротам господской усадьбы. От ворот в стороны, огибая яблоневый сад, уходили под прямым углом две просёлочные дороги.

– Эта вот в уездный город ведёт, а эта в наше сельцо, – показала Варя на дорогу, ведущую туда, где теперь едва слышно пел женский хор.

Неожиданно со стороны сельца донеслось ржание лошади. Девушка в тревоге обернулась. Из-за поворота дороги показалась двуколка⁷.

– Ой, – схватилась Варя за щёку, – подпоручица едет, мне обратно пора.

– Кто-кто? – не понял Шурка.

– Жена нашего барина, – пояснила она. – Весьма строгая.

– А чего подпоручица в вашем сельце делала?

– Не в сельце, – девушка отобрала у Леры лукошко. – Она под садом стояла. Слушала, чтобы мы пели исправно и ягоду хозяйскую скоро убирали. Потому и петь принуждает, кабы малину да смородину не в рот клали, а в лукошко.

Сказав это, Варя нырнула обратно в заросли сада.

– Прощайте, барчуки, – поклонилась.

Поклонилась и только тут вспомнила, что на ней не крестьянское платье, а господское – шёлковое.

– Ой, – побледнела она, – пропала я совсем.

Шурка хотел было перейти через дорогу и дотронуться до неё хлыстом, но к воротам уже подъезжала лёгкая двухколёсная коляска, в которой в величественной позе восседала полнотелая тётка. За густыми кустами Варя ей была не видна. Стараясь не выдать свою новую знакомую, Захарьев подхватил из дорожной пыли крохотный камушек и зашвырнул его, будто играючи, в сад. Едва только камушек угодил в крепостную девушку, как роскошное платье превратилось в прежний старенький сарафан из белёной домотканой ткани.

⁷ Двуколка – двухколёсная рессорная повозка для двух человек.

Помещица Переверзева

Двуколка подъехала вплотную и остановилась. Помещица подозрительно уставилась на незнакомых юношей. Друзья же, разглядев её лицо, открыли рты от удивления. Подпоручица как две капли воды походила на завуча их школы Фаину Демьяновну. Только одета была не в свою обычную кофту с юбкой по колено, а в просторное платье с множеством длинных юбок и широкополую шляпку, из-под которой каскадом ниспадали волосы.

– По службе в наших краях, али вольные путешественники? – между тем строго поинтересовалась помещица.

– Путешественники, – кивнули друзья, – а сами подумали – «и голос, как у Фенечки, точь-в-точь».

– Какого роду-племени, извольте спросить? По одежде вижу, навроде, господа, а по манеру, так разночинцы⁸.

Лера разозлился. «Тоже мне барыня, – подумал он. – Сама, небось, из разночинцев, а строит из себя королевну и смотрит на нас, как солдат на вошь». И чтобы утереть заносчивой помещице нос, снял цилиндр и галантно поклонился.

– Ми есть графь Леркендорфь, – объявил он, коверкая слова, как какой-нибудь иностранец, и добавил для пущей важности. – Проездом из Лондону на Москов.

– Князь Захарьевский, – в свою очередь взмахнул треуголкой Шурка.

Настороженность в лице подпоручицы сменило подобие учтивой улыбки.

– Помещица Переверзева, Фёкла Фенециановна, – сказала она и сложила ладони на груди. – Вы, господа, верно, и в Париже бывали?

– Само собой, – утвердительно кивнул Шурка.

Услышав это, помещица растаяла.

– Расскажите, расскажите, – принялась просить она, словно маленький капризный ребёнок. – Какова нынче мода в Париже?

Шурка пристально посмотрел на запад.

– Что вам сказать, мадам, – начал он медленно.

Помолчал немного, а потом пошёл чесать, как по писаному: – Юбки теперь делают всё шире, а вместе с ними делаются всё выше и всё объемнее прически. Знаменитые парикмахеры и модистки⁹ трудятся не покладая рук. На головах прелестных парижанок они теперь создают нечто вроде объёмных натюрмортов¹⁰ из цветов, лент, шпилек и перьев. А ещё в ходу чепцы¹¹ в виде тюрбанов¹², кои украшены полумесяцем. А на некоторых имеются даже лодки с высокими парусами.

– Это как же, прямо на голове? – ахнула Переверзева.

– Именно, – кивнул, довольный произведённым впечатлением, Шурка. – Мало того, в причёски встраивают ветряные мельницы, мостики, беседки и прочую садовую архитектуру. Самые модные причёски а ля Флоре, а шляпы в виде каски – каск англэз.

⁸ Разночинцы – прослойка русского общества, сложившаяся в конце 18 века, – выходцы из разных сословий: купечества, мещанства, духовенства, крестьянства, мелкого чиновничества и обнищавшего дворянства.

⁹ Модистка – мастерица, изготавливающая дамские шляпы, а также портниха.

¹⁰ Натюрморт – изображение неодушевленных предметов – утварь, плоды, битая дичь, букеты цветов и т. д.

¹¹ Чепец – женский или детский головной убор, закрывающий волосы и завязывающийся под подбородком.

¹² Тюрбан – мужской и женский головной убор у народов Азии и Северной Африки – полотнище лёгкой ткани, обёрнутое вокруг головы.

– Ах, аля каск! – закатила глаза подпоручица. – Прелестная шляпка! Я, князь, видела такую в одном модном немецком альманахе¹³. Платье с райфромом¹⁴, с воланами¹⁵, и эта восхитительная касочка.

– Да-да, – учтиво поддакивал ей Шурка. – При этом пудрятся немилосердно. И парики, и лицо. Да, бывает, так много гриму кладут, что муж порой не может признать свою благоверную. И на всё это уходит так много пудры, которую вырабатывают из муки, что в последней порой случается недостаток.

Лера с удивлением слушал друга, который трещал без умолку, будто на самом деле прибыл из Парижа. Но потом вспомнил его устремлённый на запад взгляд и всё понял. Скорее всего, Шурка на самом деле побывал в Париже 1786 года, но только мысленно.

– Кстати, – с удивлением осмотрела помещица друзей, – на вас платье, которого и быть ещё не может.

Мальчишки в тревоге переглянулись.

– Как это?

– И этот жюсокор¹⁶ с позументами¹⁷, – показала она на Шурку, – и треугольная шляпа – всё суть мода следующего 1787 года. Я это самолично читала в том же альманахе.

– О, мадам, – выслушав её, с облегчением перевёл дух Шурка. – Чего не сделаешь, чтобы не отстать от моды.

– Не понимаю вас, сударь, объяснитесь? – потребовала Переверзева.

– Вся беда в длительности нашего путешествия, – пояснил Шурка, хитро щурясь. – Вчера Варшава, сегодня Минск, затем Могилёв, завтра Москва, далее Нижний Новгород... Так и год пройдет, и второй начнётся, а мы всё в пути. Вот для того и заказали себе платья завтрашнего дня, дабы, когда завтра наступит, не выписывать платья из Парижа.

– Занятно, – улыбнулась помещица. – О таком я и помыслить не смела. Право, к чему ждать, когда можно самому купить и даже примерить то, чего через год войдёт в моду.

– Да-да, – важно кивал головой Шурка. – К тому же я вхож в дома самых известных модисток.

– Сударь, – склонилась к нему подпоручица. – А нельзя ли и нам сделать чрез вас заказец?

– Над этим стоит подумать, – поджал губу Шурка, мало-помалу входя в роль сиятельного князя.

Помещица повеселела.

– Милости просим, – указала она на свободное место подле себя. Всенепременно погостите у нас недельку-другую.

– Только если недельку, – забираясь в повозку, ласково промурлыкал в ответ Шурка.

Лера последовал за ним. Сиденье двуколки было рассчитано на двух крупных седоков, и потому места мальчишкам вполне хватило. Переверзева направила лошадь в ворота усадьбы. Покачиваясь на мягких рессорах, они поехали широкой аллеей, обсаженной густыми липовыми деревьями. В конце аллеи, длина которой была никак не меньше километра, виднелись широкое крыльцо господского дома и часть самого двухэтажного особняка.

¹³ Альманах – непериодическое издание, содержащее занимательные, справочные и другие сведения, или сборник литературных произведений, объединённых по тематическому, жанровому или региональному признаку.

¹⁴ Райфрок – укреплённые расклешённые юбки.

¹⁵ Волан – отделка для женского платья, блузки, юбки, мужской рубашки, род оборки.

¹⁶ Жюсокор – во времена Людовика XIV длинный до колен пиджак, который шился из тяжёлых, богато вышитых материй, имел широкие рукава, большие карманы и множество пуговиц. Его подобие в других странах называли камзолом или казакином.

¹⁷ Позумент – широкая тесьма обычно шитая золотом или серебром, галун.

– А правду, князь, говорят, – спрашивала дорогой Фёкла Фенециановна, – что в аглицком¹⁸ королевстве крепостных нет?

– Так и есть. Абсолютно все вольные люди.

– Безобразие, – вздохнула помещица. – Кто ж тогда на земле работает?

– Да крестьяне и работают.

– По собственной воле? – удивилась помещица. – Нипочём не поверю. Кабы наших отпустить на все четыре стороны, они бы токмо и делали, что на печи бока грели.

– Это потому, что они подневольные, – встрял в разговор Лера, забыв, что должен говорить с иноземным акцентом. – А когда крестьяне на себя начнут работать и деньги за это получать, они на глазах разбогатеют. Об этом во всех учебниках написано.

– В каких учебниках? – выпучила на него глаза помещица, которую поразило не то, что граф заговорил на чистом русском языке, а то, что он говорит откровенную ересь¹⁹.

Вспомнив, что он в восемнадцатом веке, Лера смутился, не зная, как выйти из щекотливого положения.

– Это такие специальные английские учебники, – выручил друга Шурка.

– Ес, ес, – закивал Лера, всеми силами изображая из себя истинного англичанина.

– А вы часом не масоны? – вновь подозрительно оглядела их помещица.

– Да вы что! – возмутился на всякий случай Шурка, который что-то слышал о масонах, но кто они такие, конечно же, не знал.

– Это есть кто? – не удержался от вопроса Лера.

– Ну, быть аглицким графом и не знать о масонах? – укоризненно посмотрела на него подпоручица и, оглянувшись, шепнула: – Тайное общество. Где ни появятся, везде заговоры плетут, интриги...

В это время липовая аллея закончилась, и коляска подъехала к парадному входу особняка. В ту же секунду на крыльцо выскочил человек в солдатском мундире и, сбежав по ступеням, подхватил лошадь под уздцы. Следом из парадного неспешно вышел молодец в рубаше малинового цвета из блестящего сатина²⁰. Был он высок ростом, широк в плечах и серьёзен лицом. На голове его лоснились смазанные маслом волнистые и чёрные как смоль волосы.

– Сенька, принимай гостей, – нехорошо посмотрела на него Переверзева.

По её взгляду и по тому, с каким тоном она отдала приказ, мальчишки поняли, что помещица Сеньку не жалует, но отчего-то вынуждена терпеть.

– Интересно, кто он такой? – шепнул Лера, пока молодец в сатиновой рубаше помогал барыне спуститься наземь, а после подняться по ступенькам крыльца. – На крепостного не похож. Может, управляющий?

Шурка собрался поискать имеющуюся поблизости информацию, но тут откуда-то сбоку набегали люди и, услужливо подхватив их с боков, прямо-таки вынесли из коляски.

– А это кто? – испугался Лера.

– Дворня, – только и успел сказать Шурка, – слуги при доме.

¹⁸ Аглицкий (устаревшее) – то же, что английский.

¹⁹ Ересь – отступление от общепринятых взглядов, правил.

²⁰ Сатин – блестящая и плотная хлопчатобумажная ткань.

Отставной подпоручик

Едва друзья вслед за помещицей ступили на крыльцо, как двери особняка распахнулись, и навстречу вышел крепкого сложения человек. Одет он был в длиннополый халат, из-под которого выглядывали сапоги со шпорами.

– Мой муж – Переверзев Марьян Астафьевич, – прокомментировала это явление помещица.

– Отставной подпоручик пехотного Смоленского полка! – по-военному браво щёлкнул каблуками Марьян Астафьевич. – Ныне обретаюсь в должности заседателя низшего земского суда.

– А это, – указала подпоручица на друзей, – князь Захарьевский и граф Леркендорф. – Проездом у нас из города Лондона.

– Чую! Чую! Аглицким духом пахнет! – услышав это, вскричал весело отставной подпоручик.

А после так стиснул в объятиях Шурку, а затем Леру, что у Леры цилиндр с головы свалился. Упал на крыльцо и исчез. Вернее, не исчез, а вернулся в своё первоначальное состояние – ворох яблоневых листьев. Лера в ужасе глянул на друга. Ещё пару таких объятий, и его сверхмодный наряд, чего доброго, обернётся в заурядный школьный костюм.

– Где цилиндр? – грозно осмотрел дворню помещик.

Слуги тотчас засуетились, бросились на четвереньки и принялись старательно ползать по крыльцу и рядом с ним, как будто не головной убор искали, а иголку.

– Ах, каналы! – вскипел, видя их усердие, Переверзев. – Всем! Всем нынче же шпицрутены²¹ пропишу!

И только один Сенька не суетился и не усердствовал. Присев на корточки, молодец задумчиво ворошил пальцем яблоневые листья.

– А ваш экипаж, а поклажа? – поинтересовался он.

– О! – играя роль иноземного графа, вскинул кверху бровь Лера. – Ми есть ножепёшки!

– Пешеходы, – пояснил, мило улыбаясь, Шурка. – А багаж наш в гостинице.

Пока они объяснялись, отставной подпоручик всерьёз взялся за своих дворовых слуг.

– Цилиндр! – приговаривал он, раздавая увесистые затрешины и оплеухи. – Где цилиндр, каналы?!

Совсем рассвирепев, Переверзев с силой ударил по зубам одного, затем другого мужика.

– Кабы не тычки²², – обтёр он полый халата окровавленный кулак, – никакого сладу не было бы с нашим быдлом.

И как ни в чём бывало продолжил избивать дворовых.

– Стать во фронт²³, скотина! – орал он на очередную жертву.

Шурка от всего этого растерялся, а Лера, наоборот, не на шутку разозлился. «Как это можно людей бить по лицу!» – с негодованием подумал он, совершенно позабыв, что ему нельзя сердиться. В следующий миг с Переверзевым случился конфуз. Выдав новую зуботычину, он вдруг почувствовал, что кулак его стал ватным и ничуть не сокрушительным. Да и мужик таранился на него с изумлением. Ни крови, ни выбитых зубов больше не было.

²¹ Шпицрутены – длинные гибкие палки или прутья для телесных наказаний в европейских армиях. В России в 1701–1863 годах применялись в армии, а также к участникам крестьянских волнений.

²² Тычок – короткий прямой удар, в данном случае зуботычина.

²³ Во фронт стать (устаревшее) – вытянуться, то же, что во фронт стать.

Озадаченный помещик осмотрел руку – всё как всегда, камень, а не кулак. Вновь ударил дворового – и вновь никакого результата.

– Похоже, я что-то с ним сделал, – телепатически признался Лера.

– Угу, – также мысленно отозвался Шурка, который всё уже знал. – Ты ему кулак преобразовал. Теперь во время удара он становится плюшевым, как мягкая игрушка.

Услышав это, Лера хихикнул. Отставной подпоручик тем временем пытался выяснить, что же всё-таки происходит с его рукой в момент удара. Увы, кулак становился плюшевым на столь краткий миг, что заметить это невооружённым глазом не представлялось возможным. Тогда Переверзев ударил медленно. Но в медленном режиме, когда удар уже был не удар, кулак вовсе не преобразовывался. Окончательно расстроенный, Марьян Астафьевич пнул мужика ногой. Но и нога подвела. Неожиданно она стала резиновой. И такой эластичной, что со свистом улетела назад и больно врезала пяткой по мягкому месту самому Переверзеву. Рассерженный и ничего не понимающий помещик плюнул с досады и бросился в дом.

– За мной, господа! – позвал он громким голосом, и приглашение его больше походило на приказ идти в атаку.

Особняк

Двухэтажный дом Переверзевых оказался просто громадным. И хоть рублен был из дерева, раскинулся неимоверно широко.

Открыв двери парадного входа, хозяин с развевающимися полами халата пошёл впереди, указывая путь. Проскочив парадные сени, он распахнул двери следующего помещения и доложил кратко: – Лакейская!

Не успели друзья осмотреться, а он уж вёл их далее.

– Наша гостиная красного дерева! – пояснил Переверзев и сбавил шаг.

Мальчишки с любопытством закрутили головами. Под одной из стен тянулось к потолку трюмо с зеркалом в широченной деревянной раме. Там и сям стояли около десятка стульев, уютный диванчик и несколько игорных столиков.

На стенах, обитых какой-то нежной бежевой тканью, висели портреты великосветских дам. Тут же под стенами и подле окон высились тяжеленные канделябры с оплавленными свечами. Окна прикрывали шёлковые занавески.

Помещик выждал, давая им оглядеться, и понёсся дальше.

– Парадная!

– Танцевальная!

– Столовая зала! – объявлял он, толкая очередную дверь.

У мальчишек от такого скоростного экскурса вскоре зарябило в глазах, сливаясь в одну сплошную смазанную ленту. И только одно запомнилось: на каждом простенке зияли зеркала, удлинняя и без того бесконечную анфиладу²⁴ комнат.

– Будуар²⁵! – восклицал, меж тем, Переверзев.

– Библиотека!

– Гардероб!

– Бильярдная!

– Детская!

– Диванная!

– Девичья!

Здесь он подхватил друзей под руки и увлёк по крутой лестнице вверх. На втором этаже размещались залы с высокими, от пола до потолка, зеркалами и огромными бронзовыми люстрами. Далее шли комнаты поменьше. В первой все четыре стены занимали картины. Большие и малые, они были помещены в массивные рамы с причудливыми завитушками и растрескавшейся позолотой.

– Картинная галерея, – не без гордости обвёл рукой помещение Марьян Астафьевич. – Вместе с домом от графини нам отошла. Картины весьма старинной работы.

Следующую комнату занимали мраморные столики и мягкая мебель. Кресла и диванчики были такие уютные, что мальчишкам захотелось тотчас в них плюхнуться и хорошенько отдохнуть. Но отставной подпоручик повлёк их дальше.

– Вот, – остановился он в дверях небольшого помещения. – Любуйтесь.

Друзья глянули и от восхищения рты раскрыли. На, оббитых коврами, стенах висело всевозможное оружие. Тут тебе и рапиры, и арбалеты, и черкесские кинжалы с золотыми надписями по-арабски, и сабли, и кремневые пистолы, и всякие ружья, и медные охотничьи трубы, и даже рыцарские доспехи.

²⁴ Анфилада – расположение арок, комнат и дверей по прямой линии.

²⁵ Будуар – дамский кабинет, комната, где светская женщина проводит свой день и принимает близких.

Ветром надуло

Спустя два часа Переверзев зазвал к себе в кабинет молодца Сеньку и задумчиво осмотрел его с ног до головы, словно прицениваясь к товару.

– Откуда барчуки взялись? – наконец спросил он.

– Не ведаю, Марьян Астафьевич, – развёл руками молодец. – Ни экипажа какого, ни почтовой кибитки сего дня не было. Токмо ежели взаправду пешим ходом.

– Пешком никак не могли, – не согласился Переверзев. – Ты посмотри на их платья – на них ни пылинки. А на нашей дороге пыли на вершок²⁶ лежит.

– Что ж они тогда, с неба свалились? – удивился Сенька.

– А ведь верно! – подскочил помещик. – Как я сразу не скумекал. Именно по воздуху они и прибыли.

– Господи сохрани, – перекрестился напуганный молодец. – Выходит, они ведьмаки – в ступе или на метле прилетели?

– Дурень! – махнул на него отставной подпоручик. – Они на воздушном шаре прибыли. Слышал о таком?

– Слышать-то слышал, сказывали как-то офени²⁷ о диве заморском. Но сие не у нас, сие в европах.

– А чай не слышал, что они из Лондону да Парижу к нам прибыли?

– Занятно, – пригладил на голове и без того приглаженный чуб Сенька. – Не прикажете ли шар этот летающий сыскать? Я сей час мужиков снаряжу. – Посылай, – кивнул помещик. – А сам в уезд отправляйся. Узнай про багаж ихний. Заодно расспроси хорошенько, кто они да откуда. А я пока сосну часок-другой.

²⁶ Вершок – старорусская мера длины, около 4,4 см.

²⁷ Офеня – коробейник, мелкий торговец, работающий вразнос с лотков.

Вторая ошибка

Гостям отвели круглую спальню во втором этаже. Когда горничная девка помещицы Афимья низко поклонилась и вышла, Лера грозно помахал кулаком.

– Ну и гад этот Переверзев, – заявил он, – настоящий феодал. Видел, как мужиков бьёт – ни стыда, ни совести.

– А Варя говорит, что он ещё ничего, – заметил Шурка. – Представляешь, если её продадут плохому помещику.

– Представляю, – вздохнул Лера. – Спасать нужно девчонку.

Шурка задумался.

– Бежать ей нельзя, – рассудил он. – Во-первых, спрятаться негде. А во-вторых, она без своей семьи не побежит.

– Слушай, – осенило тут Леру, – а давай их выкупим? Помнишь, Варя говорила, что Переверзеву деньги нужны.

– Точно! – обрадовался Шурка. – Так и сделаем.

Он лёг на кровать и закрыл глаза.

– Подожди минуточку, – попросил, – я сейчас всё проверю, чтобы с деньгами не напутать, как с одеждой.

Но не прошло и полминуты, как в дверь стукнули, и в спальню вошёл Сенька.

– Барин меня в уезд отправляет, – поклонился молодец. – Может, чего вашим благородиям купить?

Лера глянул на друга – откровенно говоря, хотелось хорошенько перекусить. Кто его знает, когда накормят у этих помещиков и накормят ли вообще. Может, Переверзевы сейчас постятся и ничего не едят. Вон бабушка рассказывала, что в старые времена люди все церковные посты соблюдали и, бывало, чуть ли не двести дней в году ничего мясного и молочного не ели.

Шурка сел на постели.

– А чего из съестного купить можно?

– Э-э, – расплылся в улыбке Сенька. – Да всего, чего душа пожелает. К примеру, пряники медовые на малине али на землянике. А ещё орехи разные лесные или волошские...

– Какие-какие? – перебил его Лера.

– Волошские, – повторил молодец. – Их к нам басурмане везут. Вот такие здоровенные, – составил он большой и указательный пальцы в кольцо.

– Грецкие, – догадался Лера. – А что ещё?

– Ещё левишники разные...

– Что-что? – переглянулись друзья.

– Э, ваши благородия, да вы в землях аглицких уж совсем одичали. Левишники энто как лепёшки, токмо сладкие. Их из ягод делают. Поначалу бруснику, чернику, вишню али землянику трут хорошенько да с мёдом мешают, а опосля выкладывают тонким слоем на противнях и сушат.

– Здорово! – восхитился Шурка. – Это, наверное, как конфеты, только натуральные, без всякой химии. Слушай, Семён, – достал он из-за пазухи широкую, как лопух²⁸, голубовато-белую купюру, от которой ещё пахло типографской краской, – купи нам этих левишников побольше.

– И пряников, – добавил Лера, – и орехов.

²⁸ Размер купюры до 1786 года был 19 на 25 см.

Сенька взял в руки ассигнацию, разглядел²⁹ на ней цифру «100» и испугался.

– Помилуйте, – перешёл он на шёпот, – мне ить³⁰ даже сдачи с этакой деньжищи не найдут.

– А сдачи и не надо, – легкомысленно махнул ладошкой Шурка.

Смутившись, молодец внимательно осмотрел сторублёвку. Всё было на месте: и четыре герба с коронами в углах³¹; и надписи по краям³²; и два овальных медальона в центре с оттиснутыми в них изображениями³³; и внизу заковыристые подписи чернилами³⁴. Самая что ни на есть законная бумага. Никакого обмана!

Кланаясь и пятясь, обалдевший от счастья Сенька толкнул задом дверь и покинул спальню.

– Откуда ты деньги взял? – удивился Лера.

– Из рубашки сделал.

Шурка отвернул кафтан на груди и Лера увидел, что в белоснежной рубашке друга образовалась квадратная дыра размером со сторублёвку, которую он минуту назад выдал Сеньке.

²⁹ На ассигнациях того времени изображение цифр было выполнено таким же размером шрифта, как и текст.

³⁰ Ить (старорусское) – ведь.

³¹ В углах ассигнации размещались гербы четырёх царств России: Астраханского, Казанского, Московского и Сибирского.

³² По всему периметру ассигнации имелся водяной рисунок из узорчатой рамки и текста: «Государственная казна» и «Любовь к отечеству действует к пользе оно́го».

³³ В левом овале были изображены военные знаки – знамёна, пушки, ядра и эмблемы торговли и промышленности – корабль, тюки, бочки. В центре овала – двуглавый орел с распростёртыми крыльями. Вверху – надпись: «покоит и обороняет». В середине правого овала – неприступная скала, внизу – бушующее море и голова чудовища, вверху – надпись: «невредима».

³⁴ Подписи банковских служащих.

Обед

Не прошло и четверти часа, как молодец отъехал в уездный город. Почти тогда же Фёкла Фенециановна позвала гостей к столу.

– Отведайте, чего Бог послал, – поклонилась она Шурке, а затем и Лере, когда они один за другим вошли в столовую залу. – У нас всё по-простому, так что не обессудьте.

Друзья глянули на стол, и у них слюнки потекли. «Ничего себе, по-простому!» – разом мысленно воскликнули они. Да и было чему дивиться – широченный обеденный стол буквально ломился от всевозможной снеди. Чего тут только не было! Мальчишки признали суп, бутерброды, сыры, гречневую кашу, котлеты, сосиски, омлет и сливочное масло. Из чего изготовлено множество других блюд, оставалось только догадываться. Между тем, едоков было всего-то четверо: Лера с Шуркой да Марьян Астафьевич с Фёклой Фенециановной.

– Мы что, всё это должны съесть? – испугался Лера.

– Так принято, – шепнул Шурка. – На стол выставляют всё, а там что съел, что не съел...

– Прошу, господа, – указал хозяин на свободные стулья напротив себя через стол.

Друзья, как подобает настоящим аристократам, чинно уселись и осмотрели место предстоящей баталии. Тотчас принесли и поставили посреди стола серебряный поднос, на котором красовался целиком зажаренный поросёнок с румяной корочкой.

– Кушанья наши простецкие, – говорил, между тем, помещик. – Но зато имеется самая настоящая сладкая мальвазия из Греции.

И он налил друзьям по бокалу прозрачного вина. Лера вопросительно посмотрел на Шурку.

– Пей, не бойся, – кивнул тот, – вкус и аромат я оставил, а весь спирт и сивушные масла удалил.

Пригубив вслед за Переверзевым мальвазии, мальчишки взяли за первое блюдо.

– Что это есть такое? – Лера проглотил первую ложку холоднящего супа и посмотрел на помещицу.

– Похоже на холодник, – любезно улыбнулся подпоручице Шурка, – только намного вкуснее.

Фёкла Фенециановна, растроганная комплиментом молодого князя, прямо-таки расцвела.

– А вот и нет, – сказала она игриво. – Это ботвинья.

– Ботвинья? – переглянулись друзья.

– Да, да, – и помещица указала на соседние тарелки, в которых лежали куски отварной рыбы и мелко нарубленный лёд. – Вилочкой берёте рыбку, ложечкой – ботвинью. А ежели она нагреется, то подкладываете в неё лёд, сколько потребуется.

Мальчишки последовали совету и тут же убедились, что ледяная ботвинья вприкуску с рыбой ещё вкуснее.

– Какой это вы нас рыбой потчуете? – поинтересовался Шурка.

– А тут, князь, разная рыбка положена, – сделала ему глазки Переверзева. – Вот эта, к примеру, осётр, а есть и севрюга, и лосось, и раки речные.

Расправившись с ботвиньей, гости задумчиво осмотрели холодные закуски, меж которых тут и там возвышались вторые горячие блюда.

– Чего пожелаете? – ласково посмотрела на Шурку Фёкла Фенециановна. – Может быть, почки в сметане или вот печисто?

– Рекомендую, – поддержал супругу Переверзев, глядя на Леру из-под мохнатых бровей. – Такого, граф, в ваших аглицких краях не подадут.

– Печь чисто? – прикинулся простачком Лера.

– Печисто, – поправила его помещица.

– А что там? – полюбопытствовал Шурка.

Под взглядом юного князя помещица зарделась от удовольствия и с готовностью пояснила, из чего сделано блюдо.

– Окорок, желательнo свиной, кладут в глубокую сковороду, обкладывают картофелем и тушат...

– С удовольствием попробую, – согласился Шурка.

– И на мой тарелка кусочек, – отозвался Лера.

Съев по порции печисто, друзья почувствовали, что животы их нешуточно вздулись, и что ещё немного, и штаны их лопнут. Между тем, слуги принесли длинную узкую выпечку, напоминающую рулет.

– Вау, это, стать было, пирог? – предположил Лера.

– Стало быть, – поправил его Марьян Астафьевич. – Но не пирог, а кулебяка.

– Бабаляка? – не преминул поиздеваться Лера.

– Кулебяка, – настойчиво повторил помещик. – Почитай, тот же пирог, да токмо гораздо вкуснее.

– А что же в нём особенного? – заинтересовался и Шурка.

– Начинка! Укладывают оную в несколько этажей, будто какой особняк городской, – причмокнул губами Переверзев. – Тут тебе слой рыбы, тут тебе слой мяса, а також и каши всевозможные.

– А они не перемешаются между собой?

– Их тонкими блинчиками перекладывают. В верхний слой обычно рыбу кладут, а в нижний обязательно кашу.

Поддавшись уговорам, гости съели кулебяку, а затем ещё и почки в сметане. После этого Шурка почувствовал, что ещё чуть-чуть, и у него лопнут не только штаны, но и само брюхо. Мило улыбаясь хозяевам, он незаметно расстегнул пояс. Следом к столу подали котлеты, сосиски и омлет.

– Заморские блюда, – объявила помещица. – Отведайте, гости дорогие.

Лера, который от съеденного дышал, как загнанная лошадь, с трудом перевёл дух.

– А почему заморские? – спросил он со стоном, когда Переверзевы отвлеклись. – Это же всё наша еда, родная.

– Это нам в 21 веке родная, – пояснил Шурка, отдуваясь, – а в конце 18 века она только сюда из Европы попала. Ни колбас, ни рулетов у нас раньше и в помине не было.

– А что ели?

– Старались крупными кусками готовить, чтобы сразу было видно, хорошее мясо или нет. В такое блюдо трудней отраву подсыпать. А в котлеты можно и сала, и требухи намешать, а заодно и яду – сразу и не поймёшь, что там.

На третье подали ягодный мусс и компот.

– Ешьте, ешьте, – уговаривала помещица. – Я специально рецепт раздобыла, чтобы вас побаловать.

– Да брось, Фёкла, – махнул на неё рукой Марьян Астафьевич. – Что им энти иноземные сладости. Они у себя на островах такое, почитай, с утра до ночи едали-пивали. Угости-ка ты лучше господ нашим сбитнем. Куда как полезительный напиток.

– Сбить и ем? – закатил от обжорства глаза Лера.

– Э-э, немчура какая, – пробурчал едва слышно Переверзев. – Да ты, брат, язык проглотишь, ежели русский сбитень отведаешь.

Фёкла Фенециановна налила в стакан «графа» жидкости тёмно-красного цвета. Лера-Леркендорф отхлебнул и от удовольствия выпятил нижнюю губу.

– Карашо есть сбить ем, – признался он с улыбкой.

– То-то, – обрадовался помещик, наливая сбитень и Шурке. – Чай, князь, вы тоже такой вкуснотищи не пивали.

Шурка сделал пару глотков и удивился – напиток на самом деле оказался очень вкусным.

– Раскройте секрет, – попросил он вполне серьезно. – Уж больно хорош ваш сбитень.

– Да какой же тут секрет?! – рассмеялся помещик. – Почитай всякий знает, как и из чего сей божественный вар делается.

– А всё же, – настаивал Шурка.

– С одной стороны мёд кладёте, – поставил на край стола ладонь помещик, – а с другой, – поставил он напротив другую ладонь, – сладкий взвар с травами да пряностями – шалфей, имбирь, корень валерианы, гвоздика, корица, кардамон, мускатный орех, лавровый лист и непременно зверобой. Доводите до порядочной густоты, а затем хлоп! – тут Переверзев хлопнул в ладоши, – и соединяете травяной взвар с водой на меду.

– Откуда вы так всё хорошо знаете? – удивился Шурка.

– Да ведь я почитай пятнадцать годков в пехотном полку отслужил, – развёл руками Марьян Астафьевич. – Во всяких переделках бывать приходилось. В суровые зимы токмо горячим сбитнем и спасались.

По маленькой

После обеда Переверзев пригласил друзей в гостиную красного дерева.

– Не желаете ли, господа? – достал он из кармана халата нераспечатанную колоду карт.

Друзья растерянно переглянулись.

– Банк?

– Рест?

– Квинтич?

– Венът-Эн?

– Кучки?

– Юрдон?

– Гора?

– Макао?

Мальчишки лишь пожимали плечами – ни одной из этих карточных игр они не знали.

– Тогда, может, Штос или Три и три?

– Рокамболь?

– Ломбер?

– Вист?

– Пикет?

– Тентере?

– А ля муш?

Совершенно обескураженные столь длинным перечислением, Шурка с Лерой только головами трясли.

– Гмы-гмы, – растерялся слегка и сам помещик. – Неужто предпочитаете Панфил? Нет?

– Извините, – промямлил Шурка, – но мы...

– А Тресет, Басет, – перебил его помещик, – Шнип-шнап-шнур, Марьяж, Три листка, на худой конец Ерошки с Хрюшками али Дурачки внавалку?

– Ми не есть игруны, – пришёл другу на помощь Лера.

– Мы не научены, – пояснил Шурка.

– А чего тут знать.

Марьян Астафьевич сел за ломберный³⁵ столик и указал Лере место напротив.

– Садитесь, граф. А вы, князь, смотрите, как это делается.

И помещик движением одной руки с треском распечатал колоду. Да так ловко, что только клочки упаковочной бумаги в разные стороны полетели. «Ух, ты, – подумали разом друзья, – да он нас враз обыграет». Заметив выражение их лиц, бывший пехотный подпоручик усмехнулся.

– Не бойтесь, сыграем по маленькой, – заверил он, – тут никакой премудрости нет.

И принялся объяснять правила игры в штос.

– Я, к примеру, буду метать банк. У каждого из нас будет по талии.

– Буде есть чего? – не понял Лера.

– Экий вы зелёный, – покачал Переверзев головой. – Талия, значит, колода.

И он протянул Лере нераспечатанную колоду карт.

– Одну карту из своей колоды достаньте и положите на стол, но мне не показывайте. Теперь объявляйте ставку.

– Ви говорить про деньги?

– Ну, да. Сколько хотите на кон поставить?

³⁵ Ломберный – карточный стол, покрытый сукном. Ломбер – вид карточной игры.

Лера вопрошающе посмотрел на Шурку. Тот открыл было рот, чтобы подсказать... Но тут в гостиную заглянула помещица.

– Князь, – окликнула она Захарьева. – Не будете ли так любезны сопроводить меня?

– С радостью, – нехотя поднялся со стула Шурка.

Как истинный джентльмен, раскланялся и удалился.

– Ну что, граф, – напомнил помещик, – ваше слово?

Лера задумался, пытаясь вспомнить, какие деньги ходили в конце 18 века. «Копейка³⁶, – рассуждал он, – точно была. Но копейки, наверное, маловато будет. Ещё засмеёт помещик. А что Варя говорила? Ага, 5 копеек дают за 70 сантиметров холста, а за 4 рубля – 410 грамм чая, – вспомнил он и засомневался. – Что-то не сходится: тут несколько копеек за целый кусок материи, а там несколько рублей за какую-то пачку чая». Лере было невдомёк, что чай в те времена считался деликатесом и стоил неимоверно дорого. А всё потому, что единственным поставщиком был Китай, и чай в Россию завозили через Забайкалье и Сибирь. Но он этого, конечно, не знал. Решив не связываться с копейками, Лера изо всех сил напряг память.

Из других старых денег вспомнил названия грош³⁷, полушка³⁸, деньга³⁹, алтын⁴⁰ и пятиалтынный⁴¹, гривенник⁴² и двугривенный⁴³, а ещё полтину⁴⁴ и целковый⁴⁵. Но какие суммы они обозначали и в какие времена имели хождение, он, конечно, не знал. Поэтому, чтобы не опростоволоситься, Лера решил поставить на кон рубль. «Рубль во все времена был рубль», – справедливо рассудил он.

Услышав размер ставки, Переверзев несколько удивился. Да и было отчего. В те времена корова стоила меньше 5 рублей.

– Значит, по маленькой? – весело подмигнул помещик и принялся метать карты из своей колоды.

³⁶ Копейка – название произошло от изображения на ней Георгия Победоносца, пронзающего копьём змия.

³⁷ Грош – чеканился в Италии 12 века. В России в 17–18 веках медная двухкопеечная, а с 19 века полукопеечная монета. Является разменной монетой Польши и Австрии.

³⁸ Полушка – половина деньги или четверть копейки.

³⁹ Деньга – половина копейки.

⁴⁰ Алтын – 3 копейки.

⁴¹ Пятиалтынный – 15 копеек.

⁴² Гривенник – 10 копеек.

⁴³ Двугривенный – 20 копеек.

⁴⁴ Полтина – половина рубля, 50 копеек.

⁴⁵ Целковый – разговорное название металлического рубля, обычно серебряного.

Капитан-исправник

Пока отставной подпоручик метал штос, жена его с Шуркой под руку прогуливалась по парку.

– Князь, – говорила она томным голосом, – расскажите про королевство аглицкое, в коем вы вместе с графом обретались.

Шурка задумался, и если бы помещица обладала сверхспособностями, то ощутила бы, как издалека, откуда-то из города Санкт-Петербурга, несётся по воздуху прямо в её усадьбу незримая глазу информация.

– Государство аглицкое, – взялся пересказывать Шурка архивную запись, – делится в три королевства. Два на едином острове – аглицкое и шкотское⁴⁶, а третье, ирляньское⁴⁷, на острове особливом. Сие государство пределы свои имеет, со всех сторон море-океан, и ни с которым государством рубежей у оногo нет. И есть государство аглицкое богатое, изобильно зело⁴⁸ скотом, паче⁴⁹ же овцами, из шерсти коих выделывают сукна и иные товары, а после развозят во все страны. Пшеницы зело тамо много родится. Из руд у них премного исходит олова и свинцу. А паче богатеют народы сих государств от купечества, и посему множество у них кораблей. На них же обходят они все моря-окияны, и сила их воинская состоится на мори, понеже⁵⁰ могут кораблей сто воинских собрать. Правится то государство властью не самодержавною, но купно⁵¹ с народом, понеже в сеймах два суть у них дома. Един именуется вящий⁵² – в том король и все сенаторы и вельможи. Во втором всего посполства⁵³ государства, их выборные люди. И тако о всяких делах великих советуют и согласуются.

– Ах, как занятно! – восхитилась помещица. – А мы тут живём, аки медведь в берлоге, и ничегошеньки не ведаем.

В это время на дороге, что шла вдоль ограды парка, показался верховой.

– Гляди-ко, наш капитан-исправник, – признала знакомого Переверзева, когда всадник подъехал ближе. – Не далее как в прошлом годе дворянское собрание определило их заведовать уездной полицией⁵⁴. Тогда же и моего Марьяна Астафьевича в заседатели избрали⁵⁵.

– Здравия желаю, Фёкла Фенециановна! – приподнял фуражку с кокардой капитан-исправник.

– И вам доброго здоровья, – поклонилась помещица и указала на Шурку. – Сей вельможа – князь Захаржевский, гостят у нас.

– Александр Евтухович, – снял треуголку Шурка.

– Азбукин, – вновь взялся за козырёк фуражки исправник. – Симеон Романович.

– Куда путь держите, не к нам ли? – поинтересовалась помещица.

– В имение Шелгиных, – пояснил начальник уездной полиции. – Управляющий жаловался, что де крестьяне из соседних деревень в господском лесу деревья порубали.

⁴⁶ Шкотское (устаревшее) – шотландское.

⁴⁷ Ирляньское (устаревшее) – ирландское.

⁴⁸ Зело (старорусское) – много.

⁴⁹ Паче (старорусское) – более, тем более, лучше, особенно(в данном случае).

⁵⁰ Понеже (старорусское) – ибо, потому что, так как, а как.

⁵¹ Купно (старорусское) – вместе.

⁵² Вящий (старорусское) – большой.

⁵³ Посполства (старорусское) – половина.

⁵⁴ Капитан-исправник – возглавлял Нижний земский суд, который играл в большей степени роль административно-полицейского учреждения. Капитану-исправнику также подчинялась земская полиция.

⁵⁵ Заседателем избрали – Нижний земский суд состоял из 2–3 выборных заседателей от дворянства и крестьянства.

– Управляющий ихний сам вор и есть, – неожиданно заметила Переверзева.

– Да что вы, матушка, такое говорите, – оглянулся по сторонам Азбукин. – Сие есть бездоказательное заявление. Я такового от вас не слыхал.

Тут он внимательно посмотрел на Шурку.

– И я ничего такого не слышал, – кивнул тот.

– Вор и есть, – стояла на своём Фёкла Фенециановна. – Ежели б сами Шелгуновы приехали да ему ревизию учинили, то давно бы он у вас, Симеон Романович, в кутузке сиживал. Небось, сам лес распродал, а теперь на крестьян напраслину возводит.

– Дык, – крикнул исправник, – оттого и еду без провожатых, ибо здаётся мне, что мужики тут ни при чём. Да ведь не пойман – не вор. И вы бы, Фёкла Фенециановна, поостереглись подобное заявлять. А то ведь злых языков хватает. Чего доброго, самих к суду за бездоказательные словеса притянут.

– Так это я токмо вам, по-свойски, – улыбнулась кокетливо Переверзева. – Чай не один год с моим мужем щи солдатские хлебали да в штыки на турецкие редуты хаживали.

– Было дело, – подкрутил ус исправник. – Но и ныне мы с ним в одной упряжке. Ну-с, передавайте супругу поклон от меня. А я далее поспешу – дорога не близкая.

И он тронул лошадь.

– Прощайте! – крикнула вдогонку помещица. – Да заезжайте к нам на обратном пути!

Соляная статуя

– Что это Симеон Романович про упряжку говорил? – спросил Шурка, когда полицейский скрылся за поворотом.

– Ой, князь! – удивлённо посмотрела на него Фёкла Фенециановна. – Нешта запомнили? Ведь мой Марьян Астафьевич в заседателях числится, а заседатель есть наипервейший помощник исправнику.

– Да и откуда вам знать, – решила она, чуть подумав. – Ведь токмо в прошлом 1785 годе императрица Екатерина Великая жалованной грамотой учредила дворянские собрания в уездах.

Беседуя, они продолжили прогулку и вскоре забрались в самый дальний уголок парка. За невысокой каменной оградой открылся вид на неширокую речушку, которая тихо несла свои воды меж просторных лугов. Чуть в стороне виднелась череда сереньких хат. «Вот, наверное, где Варя живёт», – подумал Шурка и тотчас её увидел. Согнувшись под тяжестью коромысла, девушка шла с вёдрами от реки.

– Слышали, – между тем теребила его за рукав помещица, – что в Рассею прибыл сам граф Калиостро. Оный де похвалялся, что разговаривал с Александром Македонским, Юлием Цезарем, и что собственными глазами видел пожар Рима при императоре Нероне и даже как Христа распинали...

– О, Господи! – перекрестилась тут Переверзева. – Неужто всё это правда?

Захарьев, который не сводил взгляда с удаляющейся девичьей фигурки, только плечами пожал.

– А что об этом в Лондоне сказывают, что в Париже?

– Граф Калиостро? – наморщил лоб Шурка, ещё раз посмотрел в сторону реки и неожиданно вспомнил, что читал об этом итальянском авантюристе в каком-то журнале.

– Да что о нём сказывают, – усмехнулся он, – самый обычный фокусник, циркач.

– Ай-яй! – покачала головой Переверзева. – А ведь говорят, что сей граф одним токмо магическим способом в три раза увеличил золото светлейшему князю Потёмкину⁵⁶.

– Всё это ловкие фокусы, – сказал в отчаянье Шурка, понимая, что через минуту-другую крепостная девушка доберётся до сереньких хат и исчезнет там навсегда.

В это время Варя, очевидно, решила передохнуть и поставила вёдра на землю.

– Доводилось ли вам видеть сего магического графа? – допытывалась помещица.

Услышав это, Шурке вдруг пришла на ум шальная идея.

– А как же, – соврал он. – Граф даже меня одному фокусу научил. Хотите, покажу?

– Непременно, – обрадовалась Фёкла Фенециановна.

– Тогда зажмурьтесь.

Переверзева с готовностью выполнила его просьбу и теперь стояла с закрытыми глазами, вытянувшись в струнку, словно солдат на плацу. Шурка тут же сделал расчёт, после чего осторожно ткнул её пальцем в выпуклое брюшко. В следующий миг помещица превратилась в соляную статую.

⁵⁶ Григорий Александрович Потёмкин – фаворит царицы Екатерины Второй, видный государственный и военный деятель России.

Водяные шары

Убедившись, что поблизости никого нет, Шурка перемахнул через забор и бросился через луг к реке.

Завидев его, девушка смешалась и, опустив долу своё вмиг порозовевшее личико, не смела поднять глаз на приятного сердцу барчука.

– Давай, помогу, – предложил барчук, закатывая рукава.

– Неужто, барин, сами понесёте? – подивилась Варя.

– Запросто, – подхватил вёдра Шурка.

Но пройдя с полсотни метров, вынужден был поставить тяжёлые вёдра на тропинку.

– С энтим-то сподручнее будет, – увидев, что он разминает затёкшие пальцы, протянула коромысло Варя.

Но Шурка коромысла не принял. А взял да и опрокинул вёдра одно за другим.

– Ты что же это деешь?! – рассердилась девушка и тотчас осеклась на полуслове.

Вода не разлилась, а собралась воедино, образовав большой переливающийся и искрящийся под солнцем шар.

– Теперь полегче будет, – заключил Шурка, цепляя на коромысло пустые вёдра.

Он чуточку подтолкнул водяной чудо-шар, и тот, будто только этого и ждал, послушно покатился по тропинке в сторону деревушки. Шурка с Варей пошли следом.

– Как же это? – шёпотом спросила девушка, указывая глазами на переливающуюся под солнцем воду.

– Гравитационная⁵⁷ сферическая оболочка, – пояснил Шурка.

Варя не поняла и только испуганно посмотрела на загадочного князя.

– В общем, волшебство, – отмахнулся Захарьев, понимая, что с научной точки зрения крепостной девушке из 18 века так просто подобное явление не объяснить.

– Зачем ты такие тяжести носишь? – поинтересовался он, чувствуя, что затекшие пальцы стало покалывать, будто на них стая ёжиков кувыркалась. – У вас в семье вон сколько мужиков. Неужели не могут два ведра воды принести?

– Отчего же, могут, – кивнула охотно Варя. – Да все в работе. Старшие братья в поле, младшие им помогают. А батя лозу заготавливает. Он у нас известный мастер – изгороди, лукошки, стулья да сундуки плетёт.

⁵⁷ Гравитация – всемирное тяготение, тяготение между всеми телами.

Лозович-старший

Отец Вари оказался среднего роста, жилистым и скорым в движениях мужичком. Главной достопримечательностью его худощавого лица были длиннющие усы, концы которых смотрели кверху. Завидев вкатившийся на подворье водяной шар, он удивился, но ничуть не испугался.

– Волшебство али наука какая? – только и поинтересовался.

– Наука, – признался Шурка и протянул руку, – Шурка. – Но, вспомнив за кого они себя с Лерой выдают, поправился, – точнее, князь Захарьевский, но вы меня можете Шуркой звать.

– Александр, значит? – уточнил Никифор Ворсанафьевич.

– Ага.

– А мы есть Лозовичи, – обвёл он рукой подворье. – Домашние величают меня Никифором Ворсанафьевичем. Деревенские, кто постарше, – Никифором, а пан – и вовсе Никишкой.

– Никифор Ворс, Ворса, Ворфала..., – начал было Шурка и запутался.

– Ворсанафьевич, – подсказал Лозович.

Шурка почесал в затылке, соображая, что столь мудреное отчество ему в жизни не одолеть.

– Дядя Никифор, – недолго думая, нашёлся он, – куда воду девать?

– Эвон, – указал Лозович на скотный двор, – по корытам разлей.

На крытом скотном дворе, который крестьяне именуют денником, топтались четыре коровы и дюжина коз. Животные только-только вернулись с пастбища и теперь помыкивали да блеяли в ожидании питья. Шурка толкнул шар и вместе с ним скрылся на скотном дворе. Вскоре оттуда донеслось дружное чмокание, как будто с полсотни телят одновременно сосало вымя. Удивлённые, отец и дочь переглянулись и поспешили на скотный двор – ещё, чего доброго, обидит барчук кормилиц. Но то, что они там увидели, повергло их в умиление. Князь Александр разделил большой шар на множество малых, и теперь перед каждой коровой и каждой козой была своя небольшая шарообразная порция. Судя по всему, животные к такому новшеству отнеслись с большим одобрением. Припав губами к шарикам, они охотно пили воду и причмокивали с явным удовольствием.

Подивившись волшебному умению своего знакомого, Варя вновь взялась за коромысло.

– Ты куда, опять на реку? – остановил её Шурка.

– Сего чай мало будет, – показала девушка на стремительно уменьшающиеся в диаметре водяные шары. – Да наперёд дойки надоть животине вымя помыть.

Шурка задумчиво почесал за ухом.

– Погоди, – отобрал он у Вари ведро. – Сколько воды надо?

– Сих два да ещё два ведра.

Шурка недолго думая взял стоявшую у стены увесистую палку, которой, по-видимому, подпирали двери хлева.

– Теперь эта дубина будет чародейной, – объявил он. – Сколько раз стукнешь ею, столько вёдер воды к тебе и прикатится. Держи.

Варя взяла в руки палку.

– А по чём бить-то?

– Да по чём угодно. Только, – задумался на миг Шурка, – сразу много не стучи, а то большой шар получится. В калитку не влезет. Лучше сразу стукни два раза, а чуть позже ещё два.

Варя так и сделала. Вскоре на подворье Лозовичей, пугая соседей, прикатились один за другим два двухвёдерных шара.

– А далее как? – растерялась Варя.

– Два ведра для скота? – уточнил Шурка.

Девушка кивнула.

– Вот ты подойти к одному шару, топни ногой и скажи: «Марш к скоту на пропой».

Тут он и покатится куда нужно и сделает, что приказано.

– А руки помыть, а вымя скотине?

– Да ковшиком прямо из шара зачерпни.

И Шурка для наглядности зачерпнул из шара полную пригоршню воды и умылся.

– Эко, – глядя на него, дивился Никифор Ворсанафьевич, – дал же Бог человеку умения.

– Наука, – скромно напомнил Шурка.

Варя занялась дойкой. А старший Лозович, которому князь Александр за его науку весьма сильно пришёлся по нраву, повёл его в свою мастерскую. Мастерская располагалась в просторном сарае.

– Здесь у меня прут хранится, – указал он на обширную яму, наполовину заполненную ивовой лозой. – Запасы на всю зиму. Кладу слоями и каждый слой перекладываю листьями лопуха, а сверху землицей присыпаю.

– Зачем? – удивился Шурка. – Потом откапывать придётся. Лучше сразу на полу сложить – места хватает.

– Нельзя, посохнет ракита⁵⁸. А ежели посохнет, то ей одна дорога – в печь. Для работы свежесть нужна, чтобы лоза была мягонькая и гибкая. Вот я её шубкой земляной прикрою, она влагу-то в себе и придержит, молодость сохранит.

– А кору чем счищаете – ножом? – поинтересовался Шурка, увидев в углу сноп очищенных от коры, блистающих белизной тонких, в полпальца, прутьев.

– Не-е, – снисходительно посмотрел на него Лозович. – Ножичек для этого дела не годится. Тут щемилка нужна, – показал он на воткнутую в земляной пол берёзовую палку, конец которой был расщеплен и отдалённо напоминал узенькую рогатку. Вставляешь лозу в расщеп и тянешь, кожица сама и сходит.

⁵⁸ Ракита – виды ветлы, вербы, ивы и других деревьев и кустарников.

– Вы, наверное, давно этим занимаетесь? – оглядел Шурка сарай, всякая вещь в котором была приспособлена для лозоплетения.

– И-и, милай, – важно подкрутил ус Никифор Ворсанафьевич, и видно было, что вопрос ему весьма понравился. – Почитай, сколько себя помню. Ещё дед моего деда лозу плёл. Оттого нас Лозовичами и прозвали. Поначалу кличка одна была – Лоза. А далее, положим, спрашивают тебя «чьих будешь», а ты в ответ – Лозы, Лозов сын, Лозовического роду-племени. Так и пошла семья наша прозываться.

– А кто у вас плетенье покупает – Переверзев?

– Хе-хе, – усмехнулся Лозович. – Пан наш и так возьмёт. А покупают люди. Свои из сельца да из соседних деревень – лукошки и корзины берут, ловушки для зверья и птиц, рыбу ловить. А в городе, где я на подставного человека лавку открыл, и стулья, и столы, и этажерки, и диваны плетёные. А один купчина московский единожды заказал шкатулку в три этажа. Тонкая, я вам доложу, работа. Требуется, чтобы ни единой загогулины не выступало, ни единого зарезу не было.

– А подставной человек – это кто? – не понял Шурка.

– Который на своё имя дело открыл да на мои деньги моим же товаром и торгует, – пояснил Никифор Ворсанафьевич.

– Зачем?

– Я же тебе, князь, толкую, что не можно крепостному такое, – покачал головой Лозович. – Иначе пан всё как есть отберёт. Ведь мы его собственность, а значит, и любое наше дело его делом считается.

Новый помещик

Солнце клонилось к закату, когда с улицы донёлся гул встревоженных голосов. Следом к ограде Лозовичей подошёл староста в сопровождении группы сельчан.

– Никифор! – крикнул он зычно. – Подь сюды! Дело имеется!

И когда Никифор Ворсанафьевич, и большая часть его семьи, а также Шурка, вышли на улицу, развернул лист бумаги.

– С сего дня, – прочитал староста, – имение, все прилегающие деревни, а також сельцо со всем населением переходят во владение графа Леркендорфа Лериана Антальевича.

– Ух, ты! – услышав это, выпучил глаза Шурка.

Заметив юного князя, староста снял шапку и отвесил вежливый поклон.

– Отныне, – продолжил он, – отменяется всякая барщина и вводится повсеместный оброк.

В толпе заволновались.

– А поскольку же оброку положено?

– По двенадцати рублём в год! – объявил староста в полной тишине.

Кто-то охнул. Кто-то ругнулся. А какая-то баба запричитала истерично, с подвывом.

– Что ж это делается? – возмутился Лозович. – Самые сквалыжные паны и те оброку берут не более шести целковых. А нам выходит аж в два раза более?! Нешта ты, Родион, – обратился он к старосте, – не ведаешь, что нам такой повинности не осилить?

– Я-то ведаю, – покачал головой Родион, – да новый пан больно крут. Ничего слушать не желают – вынь да положь ему, и всё тут.

– По миру он нас с эдаким оброком пустит, – заговорили в толпе. – Быть голодному году.

Шурка протиснулся поближе к старосте.

– С чего это граф тут хозяином стал? – поинтересовался.

– Дык господин Переверзев всё вчистую проиграл, – пояснил Родион. – Купчую⁵⁹ на имя вашего товарища составили. Всё чин чинком. А опосля взяли и застрелились. Фёкла Фенециановна отныне вдовица. Да, пожалуй, ещё и не ведаёт ни о чём. Не нашли её дворовые, сколь ни искали.

– А зачем же графу деньги понадобились? – спросил, наливаясь гневом, Шурка.

– Желают аглицкие машины купить – мануфактуры⁶⁰ открыть.

– Вот гад! – помахал кулаком Шурка и, не прощаясь, бросился через луга напрямик к помещичьей усадьбе.

⁵⁹ Купчая – купчая крепость, акт приобретения имущества в России XII – XX веков.

⁶⁰ Мануфактура – промышленное производство в XVI – XIX веках.

В Леру вселился бес

Ворвавшись в гостиную, Шурка застал там весёлого Леру.

– Братан! – заорал тот, едва увидел Захарьева. – Представляешь?! Это всё моё!

И он раскинул руки, дико озираясь по сторонам.

– Ты что натворил? – подступил к нему Шурка.

– Да ничего особенного, – счастливо улыбался Лера. – Помещик проигрался в пух и прах! Купчую на меня составил, а сам закрылся в кабинете и пиф-паф себе в лоб. Ха! Ха!

Шурка смотрел на друга и не верил своим глазам, как будто бес, ранее сидевший в Переверзеве, переселился в Леру.

– И не жалко?

– Конечно, жалко. Он своими куриными мозгами весь кабинет испачкал, – цинично заявил Стопочкин.

– Да ты чего?! – опешил Шурка. – Он всё-таки человек.

– А чего его жалеть, – отмахнулся Лера. – Эксплуататор!

– А ты сам? – вспомнил Шурка. – Зачем в два раза оброк увеличил? Крестьяне из-за этого с голоду помрут.

– Не помрут, – пренебрежительно сплюнул на пол Лера. – Зато на эти деньги я в Европе машины закуплю, открою завод и будет у моих крестьян светлое будущее. Одну их, обую, накормлю, да ещё в школу отправлю учиться.

– А теперь им, значит, помирать?!

– Переживут. Раньше тоже не жировали. Попили с них кровушки Переверзевы. Давай, – хлопнул он Шурку по плечу, – закатимся в уездный город – попируем, а потом с Фёклой разберёмся – отправим её куда-нибудь на Соловки⁶¹.

Только тут Шурка вспомнил, что оставил помещицу в виде соляной статуи, и не на шутку встревожился. Что-то ему подсказывало, что и в парке может быть не всё в порядке.

– Ладно, – пообещал он грозно, – я ещё вернусь.

⁶¹ Соловки или Соловецкий остров. Расположен в Белом море. В 15 веке на острове основан Соловецкий монастырь. С 16 до 20 века место ссылки.

Двухчасовой прыжок

Предчувствие Захарьева не обмануло. Соляная статуя была на месте, но возле неё топталась неведомо откуда взявшаяся тут коза и с наслаждением слизывала любимое всеми парнокопытными лакомство.

– А ну пошла! – закричал на неё Шурка.

Коза, задрав хвост, ускакала в ближайшие заросли, а Шурка подошёл ближе, присмотрелся и схватился за голову. Сбоку на длиннополом платье Переверзевой противное животное вылизало глубокую впадину. Что делать? Недолго думая, он взял пригоршню влажной земли и замазал углубление. И лишь затем ткнул пальцем в помещицу. Мгновение – и перед ним вновь стояла живая и невредимая Фёкла Фенециановна.

– Ай! – всплеснула она руками, глядя на заходящее солнце. – Ведь вот токмо день был и солнышко высоко стояло, а уж закат. Как же вы такие фокусы способны делать? Вы, может, сами и есть граф Калиостро, ведь и имя у вас то же?

– Да что вы, – покосился Шурка на вылизанный козой подол и, убедившись, что с платьем всё в порядке, вздохнул с облегчением. – Какой из меня знаток магического искусства. Это всего-навсего невинная шутка.

– А всё-таки, – допытывалась помещица, – отчего солнце так быстро ушло за горизонт?

– Гипноз, – стал выдумывать на ходу Шурка. – Мы спим, а время идёт.

– Господи, – перекрестилась Переверзева, – вы, почитай, алхимик⁶².

– Ни в коем случае, – любезно улыбнулся Шурка, – у меня всё строго по науке.

Фёкла Фенециановна взяла его под руку и повела к особняку.

Пойдёмте, князь, нас, верно, заждались.

Шурка шёл, машинально отвечал на вопросы любопытной помещицы, а сам напряжённо думал, каким образом исправить ситуацию. И придумал: надо вернуться в то время, когда Переверзев был ещё жив, и остановить игру, чтобы Лера его не обыграл. Для начала Шурка измерил время. Вышло, что с момента самоубийства Марьяна Астафьевича минуло два часа и четыре минуты. «Так, – рассуждал Шурка, – значит, мне надо попасть примерно на два с половиной часа назад».

– Хотите, – посмотрел он тогда на Переверзеву, – я вам ещё один фокус покажу?

– Будьте любезны, – согласилась помещица.

Шурка хотел было начать преобразование, как вдруг заметил движение в ближайших зарослях сирени. «Неужели опять коза?». Словно в подтверждение его догадки, оттуда донеслось блеяние. Недолго думая, Шурка подхватил с земли увесистый обломок ветки и запустил им что есть силы в кусты. Послышался звук падения тела на землю. Следом из зарослей выскочила любительница соляных статуй и понеслась отчаянным галопом прочь.

⁶² Алхимики – приверженцы донаучного направления в развитии химии; пытались изобрести эликсир долголетия, универсальный растворитель, искали «философский камень», который якобы способен превращать неблагородные металлы в золото и серебро.

– Экий вы меткий, – заметила помещица.

– Это ещё что, – улыбнулся Шурка, – смотрите...

В следующий миг он исчез. Удивлённая, Фёкла Фенециановна осмотрела всё вокруг и, к своему изумлению, нигде князя не обнаружила.

Опять капитан-исправник

В тот момент, когда перед помещицей вместо князя Александра оказалась пустота, сам Шурка ушёл на два с половиной часа назад. До рокового выстрела Марьяна Астафьевича оставалось менее получаса. Надо было спешить. Но тут на беду Шурку нагнал капитан-исправник на лошади.

– Здравия желаю, – приподнял он фуражку. – Вы, стало быть, тоже из князей Захарьевских?

– Так и есть, – улыбнулся Шурка, сообразив, что, вернувшись на два с половиной часа назад, он только-только распрощался с начальником уездной полиции.

– Это был ваш брат? – кивнул исправник в глубину парка, говоря о самом Шурке, который в это же время должен был прогуливаться в обществе Переверзевой.

– Ах, да, Александр, – сделал любезное лицо Шурка. – А вы, вероятно, сосед Марьяна Астафьевича?

– Воевали вместе, три компании прошли.

– Очень приятно, – сказал Шурка и попытался раскланяться. – А я как раз к Марьяну Астафьевичу спешу.

– Большого отчаяния человек, – словно не замечая его желания поскорее распрощаться, вздохнул Азбукин. – Завсегда вперёд солдат в атаку хаживал.

Порывшись в кармане, он выудил серебряный медальон.

– Гляньте-ко, князь, тут как раз заглавный подвиг вашего хозяина запечатлён.

Шурка, для которого каждая секунда была на вес золота, посмотрел из вежливости. На широченном медальоне в виде барельефа была отчеканена фигура офицера со шпагой в руках, который взбирался на вершушку крепостной стены и за спиной которого шли, оцетинившись штыками, солдаты.

– Герой, – подкрутил ус исправник. – Сиё случилось при взятии города Журжи. Народу там полегло немало. И не всякому удалось взять оный бастион. А вот Марьян Астафьевич преодолел. Да вы сами его расспросите. Так-то он молчун. Но ежели хватит лишку, то может поведать о баталиях былых...

Неожиданно Шурка понял, что если он сию секунду не распрощается со словоохотливым капитаном-исправником, то опять не застанет Переверзева в живых. Тогда снова придётся возвращаться назад во времени. А как это сделать и не запутаться после со всеми этими превращениями-возвращениями, Шурка мог только догадываться.

– Извините, – решительно вернул он медальон, – мне непременно нужно идти, иначе быть беде.

– Неприятность какая? – насторожился полицейский.

– Боюсь, рассердится Марьян Астафьевич за моё опоздание, – улыбнулся Шурка.

– Это они умеют, – подмигнул исправник и стеганул лошадь. – Поклон ему от сослуживца передавайте!

О героизме

Распровавшись с Азбукиным, Шурка обнаружил, что до самоубийства помещика остались считанные минуты. Не теряя времени даром, он вбежал в дом. Там царила тревога. Туда-сюда металась напуганная и безмолвная дворня. А со второго этажа доносились звон бокалов, бряцанье шпор и громкие крики.

Поднявшись в гостиную, Шурка застал там разудалое веселье. Лера сидел на диванчике с полным бокалом шампанского и, открыв рот, слушал помещика. Тот в форме подпоручика пехотного полка со шпагой на поясе стоял посреди залы, картинно подбоченившись одной рукой, положив на эфес⁶³ шпаги ладонь другой. На груди у Переверзева блистал орден Святого Георгия 4-й степени⁶⁴. Под ломберным столом навалом лежали игральные карты и полдюжины пустых бутылок из-под шампанского.

Увидев друга, Лера обрадовался.

– Шурик, – начал он и тут же поправился. – Князь, не хотите послушать рассказ очевидца, каков есть наш храбрый хозяин? Их честь даже получить орден.

Гордо выпятив грудь, Переверзев, который, судя по всему, был в сильном подпитии, выступил вперёд.

– За храбрость и мужество, – пояснил он, – оказанные во время сражения при городе Журже 21 февраля 1771 года, за вступление в ретраншамент⁶⁵ и за подавание примера своим подчинённым, а равно за поражение противника своими руками.

– Это где так? – присел на краешек дивана Шурка, свыкаясь с обстановкой.

– В Молдавии, – шепнул Лера.

– Да, – продолжил между тем помещик, – наш Смоленский полк всякого повидал. И дрались отчаянно, и турка били на славу. Под началом Суворова⁶⁶ нам был пожалован гренадёрский бой⁶⁷. А при Ларге⁶⁸ да при Кагуле⁶⁹ полк и вовсе проявил чудеса храбрости.

– Это реки такие, – тихо пояснил Лера и, уже обращаясь к помещику, сказал громко: – Ваш обещал сказать о Кагульский подвиг.

– Есть-есть, – посмотрел на него косо Марьян Астафьевич.

И замолчал, склонив голову на грудь.

– Дело было годом ранее, в летнюю кампанию⁷⁰, – начал он.

– Блистательное, доложу я вам, дело. Семнадцать тысяч наших воинов, и я в том числе, – стукнул он себя кулаком в грудь, – разбили наголову полтора-два тысяч турок да ещё отразили наскок сто тысяч татар, угрожавших нам с тылу.

Шурка ушам своим не поверил – семнадцать тысяч против двухсот пятидесяти – это же верная смерть.

– Да-да, – подтвердил, видя его недоумение, отставной подпоручик, – ровно так и было. Великий визирь⁷¹ турецкий Галиль-бей, что стоял супротив нас в Молдавии, желал поста-

⁶³ Эфес – рукоять сабли, шашки, шпаги.

⁶⁴ Орден Святого Георгия – учреждён в 1769 году для отличия офицеров за заслуги на поле боя, имел четыре степени отличия.

⁶⁵ Ретраншамент – укрепления позади главной позиции обороны.

⁶⁶ Суворов Александр Васильевич – генералиссимус русской армии.

⁶⁷ Гренадёрский бой – в награду полкам, отличившимся в сражении, давали право идти торжественным маршем не под армейский барабанный бой, а под более почётный гренадёрский.

⁶⁸ Ларга – левый приток реки Прут.

⁶⁹ Кагул – левый приток реки Дунай.

⁷⁰ Летняя кампания – сражение у Кагула произошло 21 июля 1770 года.

⁷¹ Визирь – высший сановник и руководитель ведомств во многих государствах Ближнего и Среднего Востока в средние

вить русское войско меж двух огней. Уничтожить нас, а потом пойти ко Львову, соединиться с польскими конфедератами⁷² и уж воевать супротив нас в Польше до самой России.

Переверзев перевёл дух и продолжил.

– Турки в семи верстах от нас разбили свой лагерь на левой стороне устья⁷³ Кагула. А татарва на спорых конях принялась облегать наш тыл, отрезывая подвоз продовольствия. Войско наше находилось в весьма затруднительном положении, но не унывало, ибо с нами был сам генерал-фельдмаршал граф Румянцев⁷⁴. Сей гений разделил малую армию нашу на пять четырехугольников, расположенных в некотором отдалении один от другого. А после крестообразным их огнём не токмо удержал в повиновении турецкую конницу, но и защитил свою собственную, поставив оную в пустых промежутках каре⁷⁵, позади пушек. Будучи прикрыта огнём артиллерии и пехоты, конница наша могла свободно действовать в преследовании неприятеля. На рассвете генерал-фельдмаршал построил войско в боевой порядок, и двинулись мы вперёд. Изумлённые отчаянным нашим мужеством и громом орудий, неверные⁷⁶ встретили русские полки с ожесточением. Спешили зайти нам в тыл. Но Румянцев сквозь дым и огонь наблюдал все шаги мусульман и быстрым поворотом войск угрожал отрезать турецкую конницу от лагеря. Она с криком и с чрезвычайной скоростью понеслась назад, оставив нападение на каре Племянникова⁷⁷. Три часа кряду полки наши в непрерывном огне пролагали себе дорогу к стану турецкому. Между тем Гудович⁷⁸ и Потёмкин, занявшие ночью с вверенными им отрядами выгодную позицию на высотах, прикрывали от хана крымского обозы и препятствовали ему атаковать армию нашу с тыла. Все пушечные выстрелы со стороны неприятеля обращены были на каре, где находился Румянцев, и на каре Племянникова, шедшее по левую сторону. Румянцев беспрестанно был под тучею ядер, которые часто попадали в лошадей сопровождавших его чинов. Уж турецкие батареи начинали умолкать, уж каре Племянникова простирало руки к овладению укреплением. Вдруг десять тысяч янычар⁷⁹, выскочив из ложины, ударили с саблями, кинжалами и с криком на правую сторону каре. Ворвались в середину, смяли полки Муромский, 4-й Гренадёрский и Бутырский, заставили их бежать. Увидев смятение, неустрашимый наш Румянцев поскакал к бегущим, вскричал: «Стой, ребята!».

Марьян Астафьевич вскинул правую руку с растопыренной пятернёй и стал похож на седовласую Родину-мать, которую Шурка видел на плакате времён Великой Отечественной войны. Глаза отставного подпоручика горели безумным огнём, и Шурка вдруг представил, как фельдмаршал Румянцев под пулями и ядрами преградил путь отступающей в панике пехоте.

– Голос героя в один миг отозвался в сердцах воинов, – продолжал с пафосом помещик. – Россияне остановились, устроились. Смоленский наш полк отразил янычар. Каре Племянникова сдвинуло ряды и с криком «Да здравствует Екатерина!» устремилось вперёд. Через тройные рвы мы взлетели в укрепления. Визирь, уstraшённый поражением янычар,

века и новое время.

⁷² Польские конфедераты – оппозиция, восставшая в 1768 году против короля Станислава Понятовского, которого поддерживала российская императрица Екатерина Вторая.

⁷³ Устье – место впадения реки в другую реку, в озеро или в море.

⁷⁴ Пётр Александрович Румянцев-Задунайский – русский военный и государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал.

⁷⁵ Каре – построение пехоты в форме четырехугольника.

⁷⁶ Неверные – так в России того времени называли мусульман.

⁷⁷ Племянников – Пётр Григорьевич, генерал-поручик.

⁷⁸ Гудович – Иван Васильевич, генерал-фельдмаршал.

⁷⁹ Янычары – турецкая регулярная пехота, создана в 14 веке.

составлявших лучших его воинов, обратился в бегство. Спасаясь от наших штыков, турки гибли в Дунае толпами...

Переверзев перевёл дух и заключил торжественно: – Войско русское приветствовало мужественного предводителя своего с победою, восклицая: «Ты прямой солдат!»

Весь турецкий лагерь, сто сорок орудий, шестьдесят знамён, множество снарядов и две тысячи пленных достались нам в награду. Неприятеля polegло до сорока тысяч, а наш урон ранеными и убитыми не превысил тысячи человек. Вот где была славная виктория!

Смахнув набежавшую слезу, отставной подпоручик как-то разом весь сник. Посмотрел на груды карт под столом, на пустые бутылки, потом на иноземного графа Леркендорфа и словно очнулся.

– Я оставлю вас, господа, – сказал тихо и тут же вышел.

Прощаясь с жизнью

Как только друзья остались одни, Лера отставил бокал с непечатым шампанским, вышел на центр залы и, передразнивая помещика, подбоченился.

– Переверзев мне абсолютно всё в карты проиграл, – обвёл он рукой вокруг себя, – и усадьбу, и земли, и деревни, и крестьян, которые в них живут. Могу хоть сейчас твою Варю на все четыре стороны отпустить. Теперь я здесь хозяин.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – окинул его недобрым взглядом Шурка и поспешил прочь из гостиной.

Захарьеву показалось, что помещик спустился на первый этаж, и он бросился вниз. Сбежал с лестницы и прислушался. Тишина, только из-за неплотно прикрытой двери девичьей доносились всхлипывания. Шурка подошёл ближе и услышал прелюбопытный разговор.

– Пропали мы, – говорил сквозь слёзы женский голос. – Молодой граф не иначе, как злодей. Обыграл нашего пана в два счёта. Ноне Марьян Астафьевич непременно руки на себя наложат. А новые баре из нас почнут кровушку пить. Ведь граф чай немец, а у них вера такая – лютая.

– Не лютая, а лютеранская⁸⁰, – поправил мужской голос. – Да и потом, не немчура они – аглицкого подданства. Хотя там тоже всяких упырей и вампиров премножество.

– А коли не порешат нас, – вёл своё женский голос, – то непременно распродадут.

– Да может, Марьян Астафьевич ещё откупятся?

– Не откупятся. Вишь, в кабинете закрылись. Того и жди – стрельнут...

Шурке стало жутко неприятно от мысли, что из-за них с Лерой кто-то так переживает, а кто-то и вовсе хочет себя жизни лишить. Пусть это и жестокосердный крепостник-помещик.

Переверзев между тем сидел за столом в кабинете и сочинял предсмертную записку.

«Моя покорнейшая просьба, – значилось там, – кто в сей покой пожалует, того умирающий человек в полном спокойствии своего духа просит покорно, дабы не произошли напрасные подозрения и замешательства, прочесть нижеследующее:

Причиной моего ухода есть не Аглицкая болезнь⁸¹ и не вольнодумство, а полное опустошение. Сего дня я есть ничто, ибо ежели ранее за душой моей были и земли, и деревни, и крепостных душ более пятиста, то ныне состоялось совершенное уничтожение всех моих благ.

Посему, господа нижние земские судьи⁸², я и оставляю вашей команде мое тело. Я его столько презираю... Будьте в том уверены».

Закончив письмо, он прошёлся по кабинету и задумчиво посмотрел в окно. На столе в открытом ящичке ожидали на выбор два заряженных пистолета. Переверзев хотел было перейти к завершающей стадии, но тут в дверь стукнули, и явился князь Захарьевский.

– Марьян Астафьевич, голубчик, – улыбнулся он. – Что же вы нас покинули? Теперь ведь мой черёд понтировать.

– Извините, князь, – как-то отчуждённо, будто он уже был далеко от дел земных, отозвался отставной подпоручик, – да токмо мне нечего поставить...

Тут он запнулся и дрогнувшим голосом завершил: – Я проигрался вчистую.

⁸⁰ Лютеранская (лютеранство) – вероисповедание, возникшее в 16 веке на основе учения Мартина Лютера.

⁸¹ Аглицкая болезнь – сплин, хандра, депрессия.

⁸² Нижние земские судьи – представители местной власти, полицейские.

– В долг, – нашёлся Шурка, заметивший уже и пистолеты, и свежую записку на столе. – На мелок⁸³.

– Разве что на мелок судьбу попытать? – обернулся помещик и пристально посмотрел на гостя. – Терять-то мне нечего.

– Так мы ждём вас, – любезно улыбнулся Шурка.

Едва князь прикрыл дверь, Марьян Астафьевич поворотился к пистолетам, слишком велико было искушение – взять и всё разом оборвать. Преодолев гибельное желание, отставной подпоручик вновь стал у окна – есть всё-таки надежда, да и жизнь уже тем хороша, что она жизнь. И это синее небо, и эти белоснежные облачка на нём, и сочная зелень садов, и пение птиц, и... Тут он отвлёкся. По дороге, поднимая тучи пыли, мчалась двухколёсная бричка⁸⁴. Миновав яблоневый сад, пронёслась по липовой алее и как вкопанная встала у господского крыльца. Разгорячённые лошади нервно грызли удила и косили глазом на подоспевшего конюха.

Бросив ему поводья, молодец Сенька выпрыгнул из коляски и бегом припустил к крыльцу. Через несколько секунд он был в кабинете Переверзева.

– Марьян Астафьевич, – докладывал молодец, – никакой поклажи в уездной гостинице нету. И самих барчуков там близко не бывало. Касаемо летательного шара, то о таком в округе и слухом не слыхивали.

– Та-ак, – развеселился помещик, мысля, что минутой ранее он хотел пустить себе пулю в лоб. – Кто ж они такие? Неужто грабители?

– Не похоже, – и Сенька достал из-за пазухи врученный ему Шуркой кредитный билет. – Вон какие деньжищи князь мне дал.

Переверзев повертел в руках сторублёвку.

– Да они фальшивомонетки, – объявил он.

– Неужто поддельная? – испугался Сенька. – А ить так не скажешь.

Но Переверзев недаром пребывал в заседателях земского суда, глаз у него был намётан.

– Гляди вот, – ткнул пальцем в правое поле ассигнации, – вместо «государственная казна» прописано «сто рублей» и буква «Р».

– А подписей должно быть четыре, а не три⁸⁵.

– Чего ж теперича делать? – растерялся молодец.

– Ежели мы их арестуем, – сунул отставной подпоручик один из пистолетов за пояс, – то верную помощь окажем отечеству. Глядишь, ещё и Владимира⁸⁶ дадут.

– Вы, барин, не об орденах бы думали, а о жизни насущной, – посоветовал Сенька. – Денег у злодеев, почитай, немало. Надо поначалу займы взять, а уж опосля в кутузку вестъ.

Вспомнив о проигрыше, помещик вновь помрачнел.

– И то верно, – взял он в руки второй пистолет. – Но зачем плодить кредиторов, когда можно судьбу попытать и счастье за талию взять.

– Вы о картах, что ли? – догадался молодец.

– О них самых, – весело подмигнул герой Журжи и Кагула и с пистолетом наперевес двинулся к гостинице.

⁸³ На мелок – мелом на сукне ломберного стола писали долг игроков.

⁸⁴ Бричка – лёгкая дорожная повозка.

⁸⁵ До 1786 года на купюрах ставили подписи чернилами два сенатора, главный директор или советник правления банков и директор местного банка, после 1786 года – советник правления банков, один банковский директор и один кассир.

⁸⁶ Владимир – Орден святого равноапостольного князя Владимира, учреждён 22 сентября 1782 года по случаю двадцатилетия царствования Екатерины Второй.

Под дулом пистолета

– Ну, кто тут желал судьбу попытать? – спросил он, распахивая двери. – Вы, князь? Извольте.

И он указал дулом пистолета на свободный стул. Жест этот можно было расценить двояко – и как дружеское приглашение, и как приказ. Но Шурка и бровью не повёл. Сел на указанное место и распечатал колоду карт. Глядя на него, Переверзев всё же не удержался и, вместо того, чтобы сесть напротив и отыгаться, достал подозрительную ассигнацию.

– Что сие значит? – спросил он, грозно хмурясь. – Таких ассигнаций, сударь, в природе не имеется!

Шурка посмотрел на купюру и вдруг понял, что снова ошибся и впопыхах преобразовал сторублёвку, о которой в 1786 году ещё никто ничего не знал. На миг растерявшись, Захарьев тут же нашёл в пространстве нужную информацию и сделал важное лицо.

– Разве вы не слышали про императорский указ «О печатании Государственных ассигнаций по новому образцу»? – спросил он и сам же ответил: – Отныне старые бумажные деньги обмениваются на новые того же достоинства.

– А старые куда?

– Решено публично сжигать перед Сенатом⁸⁷, – пояснил Шурка и добавил, – как сказано в указе, «для вящего и скорого публиче о истреблении ассигнаций удостоверения».

Услышав про императорский указ, Марьян Астафьевич сменил гнев на милость.

– Давно пора, – одобрил он, – а то уж подделкам нет числа. Одно время четвертной билет подправляли и выдавали за семьдесят пять рублей. Так ловко, что подвоха и не заметить. Слава богу, упразднили. Что ныне говорят, не появятся ли вновь?

– Семьдесят пять рублей одной бумагой больше не будет, – успокоил его Шурка. – Зато в оборот пустят бумажные пятёрки и десятки.

– Ой, беда, – покачал головой Переверзев. – Долго ли лихому человеку по нулю пририсовать – вот тебе и сотня фальшивая, вот тебе и полсотни. Опять в променных⁸⁸ банках дров наломали.

– А вот и нет, – улыбнулся Шурка. – Пять рублей делают на тёмно-синей бумаге, а десять – на красной. Не перепутаешь. И банк теперь будет один – единый Государственный Ассигнационный Банк.

– А как же прочие ассигнации?

– И двадцать пять рублей, и пятьдесят, и сто печатают на такой же белой бумаге, как эта, – показал он глазами на сто рублей в руках помещика.

⁸⁷ Сенат – в Российской империи являлся высшим правительственным учреждением, на которое был возложен надзор в делах суда, финансов и администрации, располагался в Санкт-Петербурге.

⁸⁸ Променные или ассигнационные банки (то есть банки, выпускающие ассигнации) – были учреждены Манифестом от 29 декабря 1769 года в Москве и Санкт-Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.